

3. Оперирование разными историческими пластами философской мысли, формирование приемов многомерного философского видения.

Приведенный тезис можно метафорически свести к первому, ибо, каждую отдельно взятую авторскую философскую систему, группу философских систем, развивающихся в исторически едином проблемном поле, можно рассматривать как своеобразные серии, состоящие из сериальных элементов, формирующих определенные терминологические поля и смысловые пространства (подробнее о смысловых пространствах см... [2]). При работе с парадоксальными элементами, принадлежащими одновременно двум сериям (двум различным философским пластам) естественно возникает проблема способов фиксации смысла при обдумывании парадокса. Само внимание к парадоксу возникает в связи с тем, что сопоставление двух, на первый взгляд, несопоставимых планов дает возможность проявлению абсолютно нового смысла, требующего для своей фиксации нового смыслового пространства или новой серии, нового философствования, основанного на иных аксиомах, базовых утверждениях.

Работа с парадоксальными элементами, возникающими на стыке различных философских подходов актуализирует проявление особого способа философствования. По мнению С.Неретиной, которое пропитано духом идей Делеза, философия есть «способ мгновенного схватывания чего-то, сравнимого с глотком воздуха... Философия становится своего рода терапией, избавляющей на время от раздвоенности, расстроенности или расстройности сознания от бесконечной текучести среды... Субъект сформирован... концептом, который как схватывание некоторого порядка есть событие, целостность» [9:18].

Оперирование разными философскими пластами естественно актуализирует идею Другого, ибо новый смысл может быть проявлен только в результате селекционной деятельности Другого, выступающего в роли своеобразного фильтра смыслов.

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что современная культурная ситуация, связанная с переосмыслением идеи линейно развивающегося времени, делает несостоятельной попытку построения некой медленно эволюционирующей универсальной философской системы, которую со временем ожидает лишь незначительная корректировка. Настойчиво возникает необходимость одновременного обозревания различных систем, умения не только быстрого переключения от одной системы к другой, но и эффективного использования креативного потенциала, заключенного в их совмещении во времени. В этой связи концепт предстает уникальным способом мыслительной деятельности, являясь не комплексом «ассоциированных идей наподобие мнения», не системой «аргументов, упорядоченных доводов» [5:264], а множеством «неразделимых вариаций, которое создается или конструируется в плане имманенции» [5:265].

Общая роль концептов в философии может быть схожей с ролью аттракторов, которая в синергетике объясняется следующим образом: «Для определенных классов открытых сред (систем)... потенциально существует спектр структур (форм организации), которые могут возникнуть в них на развитых, асимптотических стадиях процессов. Спектр структур-аттракторов, иначе говоря, поле путей развития или древо ветвящихся направлений развития событий определяется сугубо внутренними свойствами среды. Это своего рода план эволюции, который потенциален. Спектр структур-аттракторов предопределен как спектр возможностей, но не более того. Если произошло событие выхода на аттрактор, то в открытой нелинейной среде имеет место процесс самодистраивания, процесс выпадения на аттрактор. И он так же естественен, как процесс падения тел в гравитационном поле притяжения Земли» [6:112].

Если воспользоваться методом аналогии, то группу концептов, актуализируемых в тот или иной исторический период можно рассматривать как своеобразный спектр структур, определяющих вероятное направление развития философской мысли.

Отсюда - повышенный философский интерес к осмыслению концепта, все больше и больше привлекающего внимание исследователей в современной нелинейной и сверхнестабильной культурной ситуации.

Источники и литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. - СПб.: Азбука, 2000. - 336 с.
2. Богатая Л.Н. Гештальт сознания. - Одесса, Альянс-Юг, 2004 г. - 221 с.
3. Богатая Л.Н. Концепт: возрождение через возвращение. // Науковий вісник ХДПУ ім. Г.С.Сковороди. Серія „Філософія“. Вип. 20, - Харків, ХНПУ, 2005.
4. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин». // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. - М., 2003 - С. 5-12.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Спб.: Алетейя, 1998, - 288 с.
6. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. - М.: 1995. - 228 с.
7. Маркова Л.А. Философия из хаоса. - М., КАНОН+, 2004. - 383 с.
8. Микешина Л.А. Философия познания: полемические главы. 2002 г., - 624 с.
9. Неретина С.С. Тропы и концепты. - М.: УРСС, 1999. - 278 с.

Шевченко О.К.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ВЛАСТИ В УКРАИНЕ И РОССИИ

Кризис, в котором оказались постсоветские государства в начале 90-ых годов XX в. особенно ошутимо проявился в системе управления, что вызвало соответствующую философскую и научную рефлексию в виде многочисленных статей, монографий и диссертаций, посвященных проблеме власти, что позволяет говорить о повышенном интересе к кратологической проблематике в Украине и России [1].

Начиная с 1991 года в этих странах регулярно выходят работы, посвященные разным аспектам власти. Можно констатировать, что проблема власти занимает одно из ведущих мест в гуманитарных исследова-

ниях. Однако, до сих пор, отсутствует анализ этапов развития отечественной теории власти на рубеже XX–XXI вв., что ведет к игнорированию наработанного опыта. А между тем, проблема постижения власти в обществе трансформационных процессов (к каковым можно смело отнести российский и украинский социумы) представляет не только академический интерес, но и имеет важное практическое значение. Это обусловлено необходимостью выработки долгосрочных стратегий по преодолению кризиса в системе управления, определению характера властных взаимоотношений в системе «природа-общество-человек», уточнению полномочий государства и пр. Решить подобные задачи без знания того, как формировалось и формируется представление о власти в философии и науке, какие существуют векторы дальнейшего развития нашего знания о ней – невозможно. Нельзя создать прочный теоретический фундамент для обоснования того или иного политического решения без ясного понимания достоинств и недостатков отечественной теоретической мысли о власти, не обладая знанием перспектив ее развития. Эту проблему нельзя решить простым пересказом популярных концепций власти. Необходим всесторонний анализ с привлечением самых разных источников: монографий, статей, диссертаций... При изучении тенденций развития нашего знания о власти нельзя, также замыкаться в рамках своих национальных квартир (российских или украинских). Только через сравнительный анализ российского и украинского опыта постижения власти [2], через анализ общего и особенного в их разработках можно создать предпосылки для появления качественных стратегий по преодолению системного кризиса в котором оказались постсоветские государства.

Таким образом, актуальность заявленной статьи заключается в специфических условиях, в которых оказалась философия России и Украины в результате распада СССР и активизации трансформационных процессов в постсоветских странах. Объектом рассмотрения является кратологическое знание в рамках постсоветского пространства, а предметом – познавательные стратегии российской и украинской философии власти. Цель статьи следует сформулировать, как: изучение процесса формирования современных представлений о власти в российско-украинской философии и науке. Это предполагает следующие задачи:

- выделение общих этапов изучения власти;
- составление исчерпывающей характеристики достоинств и недостатков российского и украинского опыта (как на уровне общего так и на уровне особенного, целого и части);
- выявление перспективных векторов развития представлений о власти в России и Украине;
- уточнение степени и характера влияния на постсоветскую мысль западных образцов – их положительную и отрицательную роль.

Конечно, для полной реализации заявленных задач требуется, как минимум, объем солидной монографии. Поэтому, учитывая ограничения, накладываемые жанром «статьи», следует ограничить эмпирический материал философскими представлениями о власти, где обращение к социологическим, психологическим и политологическим работам будет носить вспомогательный характер. Такой выбор обусловлен особым статусом философии. Он заключается в том, что философия, как форма рационального освоения мира, изначально ориентирована на открытие предельных оснований бытия мира и в этом смысле для всех отраслей гуманитарного освоения она является источником знания общего, которое «в процессе социального научного познания обогащается конкретным фактическим материалом и преобразуется в систему взаимосвязанных понятий и суждений» [3] общего и единичного, целого и части. Обращая свое внимание на анализ философских работ можно составить топографию гуманитарной мысли о власти на уровне ее исходных, аксиоматических посылок, удовлетворяя как требования жанра, так и решая заявленные задачи исследования.

Российский и украинский философский опыт осмысления власти изначально имел общие корни – философскую школу СССР. Первым значительным исследованием власти (не считая известной работы В.И. Ленина «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задача пролетариата в революции») стала монография известного ленинградского философа Н. М. Кейзерова «Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий» (М., 1973), а спустя полтора десятилетия вышла коллективная монография – «Власть: Очерки современной политической философии Запада» (М., 1989). Этими работами история советской философии власти не исчерпывается [4], но по глубине поднятых проблем, фундаментальному анализу феномена власти, они могут считаться эталоном. В работах о власти начала 90-ых годов [5], как в России, так и в Украине прослеживается самая непосредственная связь с идеями заложенными в СССР еще в 70–80-ые годы. Это, проявилось, прежде всего, в тенденции определять субстанциональное ядро власти, прослеживать взаимосвязь сущности и явления, уделять большое внимание к междисциплинарному подходу и методу компаративистики. Развивая достоинства советской философской школы, авторы 90-ых годов, сделали серьезный шаг к обоснованию права власти на свой способ бытия, свою форму проявления и свою форму осуществления. При этом были преодолены недостатки как истмата, так и диамата. Особое внимание авторы уделяют не государству и классовым антагонизмам, а проблеме воли, ее онтологическому статусу (определяя власть как «волевое удовлетворяющее обладание объектом» [6], «волевое выражение интересов субъекта власти» с ориентиром на социальную ответственность [7] или как форму социального давления, сильно зависящую от ценностных ориентиров субъекта и объекта власти [8]). Власть как проблема начинает обретать антропологические черты, что обеспечивает возможность уйти от «советской» схемы отождествления власти с государством, а субъекта власти с государственными структурами. Категория субъекта власти, становится предельно широкой. Она не ограничивается лишь государственными или общественными организациями. Такой подход является первым шагом в методологическом плане переосмыслить факт отчуждения человека от власти, наделив его в теоретическом плане правом статуса субъекта власти, но сам человек представлен слишком абстрактно. Понадобилось целое десятилетие, чтобы обосновать положение о человеке как субъекте власти, определить статус его индивидуального «Я», выявить роль его ценностных ориентиров во властных отношениях.

На данном этапе расхождение между российскими и украинскими коллегами в осмыслении власти настолько минимально, что можно говорить о тождестве их методологических стратегий и круга заявленных задач.

1993-2000 годы являются роковыми годами для украинской философии власти и периодом кардинального поворота в осмыслении проблемы власти для России.

С 1993 года украинское философское осмысление власти фактически прекращается. Проблема власти стремительно отождествляется с проблемой государственного устройства. На повестку дня выносятся проблема конституции и весь комплекс вопросов связанных с ней. С особой остротой встает проблема национального согласия и мира. В этой связи особой популярностью стали пользоваться не абстрактные рассуждения о власти, а конкретные исследования, дающие ясные и четкие рекомендации по решению насущных проблем государственной и общественной жизни. Философия Украины с готовностью приняла социальный заказ. В итоге вышел целый ряд фундаментальных монографий и диссертаций, посвященных проблеме гражданского общества, наций и национализма, политической жизни общества и формы государственного устройства Украины. Но при этом фундаментальная проблема заявленных вопросов – феномен власти [9] оказался практически не затронут. В гуманитарных науках, а особенно в политической риторике укоренилось представление о власти на уровне 70-х годов, когда она прочно отождествлялась с государственными структурами, прервалась преемственность между советской и современной украинской философией власти, что привело к излишне восторженной адаптации западных концепций власти.

В этом отношении Россия представляет совсем иной пример развития философского осмысления власти. Во-первых, не прерывается преемственность между старшим и младшим поколением исследователей власти. Так, например, непосредственным продолжением идей заложенных А.И. Соловьевым и В.И. Митрохиным выступают монографии О.В. Плотниковой «Власть и формы ее проявления» (Уссурийск, 1996), коллектив авторов под руководством В.В. Ильина «Философия власти» (М., 1993). Общую методологическую установку на поиск предельных оснований власти и ориентир на формирование аксиоматических положений теории власти развивает в своей докторской диссертации Р.А. Хомелева «Онтологический статус политической власти: теоретические и методологические исследования» (СПб., 2001). К перечисленным работам примыкает целый ряд кандидатских диссертаций, из которых можно выделить работы А.Д. Латипова «Власть как социальный феномен и формы ее истинности» (Уфа, 2001) и Н.Ю. Денисовой «Власть как конституирующий фактор социокультурной реальности» (Саратов, 2003).

Помимо поиска онтологических основ власти в этот период в России формируется мощное течение, поставившее своей целью переосмыслить понятийно-категориальный аппарат власти. В монографиях А.Г. Аникевича «Категориальный ряд власти: социально-философский аспект» (Красноярск, 1998), В.Г. Ледяева «Власть: концептуальный анализ» (М., 2001) и кандидатской диссертации С.В. Серебрянского «Концептуальный анализ феномена власти» (М., 1993) представлен широкий спектр концепций относительно ключевых понятий власти: авторитет, воля, власть, доминирование, принуждение, нравственность, субъект и объект власти. Отличительной чертой этих работ является понятийный анализ власти сквозь призму концепций таких авторитетов как Б. Рассел [10], Т. Парсонс [11], Дж. Марч [12], Р. Даль [13] и др. Тем не менее, существует определенные противоречия в рамках этого направления. Если для В.Г. Ледяева характерно рассматривать власть с позиций «аналитического направления западно-европейской философии XX века» [14] уделяя много внимания лингвистической проблематике, то для А.Г. Аникевича характерно скорее изучение власти в русле практической (социально-философской) философии [15]. С.В. Серебрянский ориентируется на американскую социологическую школу в частности на идеи Т. Парсонса, где основными операционными понятиями исследования становятся: система, действие, структура, механизм и др [16]. Подобная ситуация приводит к плодотворному дискурсу, позитивно влияющего на развитие теоретических представлений о власти в рамках Российской Федерации.

В отличие от украинской философии, российская, столкнувшись с похожим комплексом проблем в рамках системы «природа-общество-человек» (проблема гражданского мира, сепаратистские устремление регионов, политическая чехарда, экономические кризис, экологические проблемы), сумела сохранить высокий уровень абстракции и рассматривать не просто отдельные аспекты власти, а поднимать фундаментальные философские властные проблемы. Это позволило в кратчайшие сроки создать целый ряд серьезных работ демонстрирующих восхождение от абстрактного к конкретному, где частные аспекты власти рассматривались исходя из общих аксиоматических посылок обогащая их конкретным эмпирическим материалом, что в свою очередь привело к потенциальной возможности создать понятийный аппарат отражающего конкретную реальность современной России. В этом отношении украинские исследователи сильно отстают от своих российских коллег (отрыв составляет 6-8 лет т.е. среднее время подготовки кандидата наук). Отрыв пытаются компенсировать, широко внедряя в работы о власти понятийный аппарат М. Фуко, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё и др. Но применение терминологии, созданной для исследования социальной реальности западной Европы в качестве инструмента изучения сюжетов современной украинской жизни, чревато абберациями. Ибо слишком отличны условия существования развитых обществ западной Европы и трансформирующихся, посттоталитарных обществ на постсоветском пространстве, которым еще только предстоит обрести свое лицо.

В XXI в. российская философия вошла с солидным багажом традиций рассмотрения власти на уровне общих, исходных посылок. Назрела необходимость подробно остановиться на отдельных, ключевых проблемах власти. Эту задачу взяли на себя молодые исследователи, которые в рамках кандидатских диссертаций сделали определенный задел в этой области. Изучение диссертационного фонда Российской государственной библиотеки показывает, что за последние 5 лет наиболее активно разрабатывается проблема авторитета [17] и ценностей власти [18]. Однако наряду с позитивом, в российской философии власти существует ряд негативных явлений. Так, совершенно упущен из ее поля зрения человек и его взаимоотношения с властью, особенно в условиях современной России. Эту брешь не в состоянии закрыть исследование, посвященные проблемам ценностей и авторитету. Хотя антропологическая составляющая проблемы уже давно обрела прописку в социологии [19], психологии [20], политологии [21] и даже юриспруденции [22]. Правда, в последнее время появились попытки поставить проблему человека в центр внимания

философии власти, но делается это достаточно робко и только через адаптацию известных западных идей о микрофизическом уровне власти (повседневные практики власти) [23] и о дисциплинарной власти [24]. Отмеченные направления отличаются лишь в частности, а в целом их объединяет идея изучения власти в повседневных отношениях на уровне нескольких индивидуумов. Такая стратегия постижения власти была заложена еще в работах Э. Канетти, Х. Ортега-и-Гассета и нашла свою пролонгацию в монографиях П. Бурдые, Ж. Делеза, В.А. Подороги, М. Фуко, Ю. Хабермаса. Ныне она завоевывает все большую популярность в российской и украинской философии [25], тесня известные концепции М. Вебера, Н. Лумана и Т. Парсонса.

Второй серьезной проблемой российской философии власти является дефицит фундаментальных монографий и добротных диссертаций, в которых бы присутствовал качественный анализ тенденций развития феномена «власть» на основе конкретного исторического материала. Существующие исследования [26] не могут претендовать на исчерпывающий анализ проблемы.

Для Украины характерны те же проблемы, правда, их усугубляет значительное отставание в разработке феномена власти. Впрочем, можно констатировать, что в настоящее время начинается явный ренессанс украинской кротологии. На первых порах недостаток украинских разработок в области философии власти восполняется серьезными работами, подготовленными в рамках политологических, социологических и психологических исследований [27], что создает добротную эмпирическую базу для философских работ. Параллельно идет напряженная работа по адаптации классического, западно-европейского философского наследия [28]. Успешно защищаются подготовленные диссертации (к сожалению только кандидатского уровня). Среди них следует отметить работу уже упоминавшегося Зимовца Р.В. «Феномен влады в культурі» (К., 2001), Діденко Н.Г. Взаємодія управління, влади і держави як предмет філософського аналізу (Донецк, 2002), Николко М.В. «Коммуникативная природа легитимационных процессов» (Симферополь, 2004), монографию Соколова В.Н. и Старинец А.Г. «Власть и общество» (Одесса, 2003). Отмеченные работы, особенно диссертации Р.В. Зимовца и М.В. Николко, имеют много общих черт с российскими исследованиями основанными на постижении власти сквозь призму постмодернистских течений. Их роднит попытка адаптировать успехи западной философии на отечественной почве и применить к анализу социальных реалий сегодняшнего дня. Но если в России такие попытки в определенной степени упорядочиваются наличием своей собственной мощной традиции философии власти, то их украинские коллеги подобных ограничений не имеют, являясь, по сути дела, пионерами в этой области. Но, с одной стороны, отсутствие отечественных традиций не сковывает, а скорее поощряет быструю адаптацию современной философии запада. С другой стороны, существует реальная угроза научного эпигонства, простого копирования западных методик постижения общества, что чревато серьезными расхождениями между вырабатываемым знанием об украинском социуме и реальным положением дел (хороший тому пример «Померанчевая революция» до сих пор являющаяся загадкой для социологов и политологов, которые в состоянии ответить на вопрос «как?», но бессильны перед вопросом «почему?»).

Серьезной проблемой украинской философии власти, помимо очевидного невнимания к ней со стороны самих философов, является явно непропорциональное отношение между защищенными диссертациями, опубликованными статьями с одной стороны и фундаментальными монографиями с другой. Так, например, только в АР Крым постоянно действует научная конференция «Государственная власть и политическое участие» (Севастополь) и сделана хорошая заявка на регулярное проведение международной научной конференции «Общество и власть: возможности диалога» (Симферополь). В сборниках посвященных этим конференциям уже сейчас опубликовано десятки великолепных материалов, но изданием обобщающей монографии может похвастаться лишь один их участник [29]. Такая же ситуация сохраняется в целом по стране.

В качестве выводов следует отметить:

- До 1993 г. Российская и украинская философия власти развивались параллельно. С 1993 г. наметился определенный разрыв между российской и украинской практикой философского освоения власти. Если в России основной упор делался на создание общей теории власти, поднимались фундаментальные проблемы власти (авторитет, насилие, повинование, доминирование), то в Украине на повестку дня был поставлен вопрос о национальном доминировании русского, украинского и крымско-татарского характера; о создании государственности, о проблеме гражданского общества и гражданского согласия.
- Отсутствие на Украине собственных традиций философского осмысления власти как цельного феномена привело к широкой адаптации современных западных концепций. В России этот процесс только намечается, его ограничивает наличие отечественных сложившихся направлений кротологии.
- В XXI в. перед российской и украинской философией власти стоит одинаковая цель – выработка своего собственного понятийно-категориального аппарата для постижения уникальной ситуации, в которой оказались страны после развала СССР. Но в силу различий в формировании представлений о власти, подходы к решению этой проблемы должны быть разными. Для России важно интегрировать уже существующие наработки в рамках единой концепции, не «потеряв» человеческого измерения проблемы. Для Украины задача несравненно трудней – необходимо в короткий срок адаптировать наработанный как на Западе так и в России опыт постижения власти, соотнеся его с современной украинской действительностью. В противном случае кротология в России обречена на тихое угасание, а в Украине на бесплодное копирование уже имеющихся разработок.

Источники и литература

1. Байрачная Л. К. Власть: содержание, структура, функции (социально-философский анализ). Диссерт. к. ф. н. - Харьков, 1992. –179 с.; Зимовець Р. В. Феномен влады в культурі. Диссерт. к. ф. н. - К., 2001. – 188 с.; Митрохин В. И. Сущность власти: философский анализ. – М.: Изд-во МГОПИ «Альфа», 1992. – 148 с.; Плотникова О. В. Власть и формы ее проявления. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 1996. – 129 с.;

- Соловьев А. И. Культура власти. - М.: Николь, 1992. – 144 с.; Философия власти / Под. Ред. В.В. Ильина. - М.: Изд-во МГУ, 1993. - 271 с.
2. В Белоруссии, Казахстане, Таджикистане и др. теоретические разработки проблемы власти находятся под мощным контролем центральных органов государства и, как таковые, для данного обзора не представляют интереса. Из немногих «оппозиционных» работ можно назвать А.М. Елеманову Власть как философская проблема. Диссерт к.ф.н. - Алматы, 1994. – 29 с. и Тиковенко А.Г. Авторитет власти. Прошлое и настоящее. – Минск: «Наука і тэхніка», 1992. – 80 с.
 3. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. - С. 54.
 4. Можно также отметить такие исследования, как: Осадчий Н. И. Социально-философский анализ власти как общественного явления. Диссерт. к. ф. н. - М., 1983. – 182 с.; Филиппов Г.Г. Социальная организация и политическая власть. - М.: Наука, 1985. – 176 с.; Аникевич А.Г. Политическая власть: вопросы методологии исследования. Красноярск: Изд-во ГГТУ, 1986. – 194 с. и др.
 5. Байрачная Л.К. Указ соч.; Митрохин В.И. Указ соч; Соловьев А.И. Указ соч.
 6. Митрохин В.И. Указ соч. - С. 125.
 7. Байрачная Л.К. Указ соч. - С. 165.
 8. Соловьев А.И. Указ соч. - С. 8
 9. Исключением является интересная диссертация В.С. Богданова Авторитет як предмет соціально-філософського аналізу. Диссерт. Д.ф.н. - К., 1997. – 374 с.
 10. Russell B. Power: A new Social Analysis. – London: Allen and Unwin, 1938. – 258 p.
 11. Parsons T. Power and the Social System // Power / ed. by S. Lukes. Oxford, 1986. March J.G. The Power of Power // Varieties of Political Theory / ed. by D. Easton. - New Jersey, 1966. – P. 96-143.
 12. March J.G. The Power of Power // Varieties of Political Theory / ed. by D. Easton. - New Jersey, 1966. – P. 39-70.
 13. Dahl R. The Concept of Power // Behavioural Science, 1957. - Vol. 2. – P. 201-215.
 14. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. - М.: РОССПЭН, 2001. - С. 17.
 15. Аникевич А.Г. Категориальный ряд власти: социально-философский аспект. – Красноярск: Изд-во ГГТУ, 1998. - С. 7.
 16. Серебрянский С.В. Концептуальный анализ феномена власти. Автореф. к.ф.н. - М., 1993. - С. 8-10.
 17. Антонова М.Л. Природа авторитета как общественного явления (социально-философские аспекты проблемы). Автореф. к.ф.н. - Тамбов, 2003. – 27 с.; Комина А.В. Авторитет, ответственность, доверие как реалии и императивы власти. Автореф. к.ф.н. - Тверь, 2003. – 23 с.
 18. Яблоновская Т.В. Проблема нравственности и власти в отечественной социальной философии. Диссерт. к.ф.н. - Ставрополь, 200. – 194 с.; Ветюгов К. В. Соотношение идеалов светской и духовной власти в русской культуре. Автореф. к.ф.н. - Воронеж, 2001. – 22 с.; Шишаков С.В. Феномен власти: социально-философский анализ (опыт России). Диссерт к.ф.н. - М., 2003. – 174 с.;
 19. Костюкова С.Ю. Социально-политические и социально-психологические детерминанты деятельности субъекта власти. Диссерт. к.с.н. - Тюмень, 1996. – 124 с.; Зяблова Е.Ю. Личность и власть в спектре адаптационных и конфронтационных процессов. Диссерт. к.с.н. - Хабаровск, 2000. – 140 с.
 20. Свешникова Н.О. Психологические состояния человека в политической жизни. Диссерт к.п.н. - СПб., 1998. – 192 с.
 21. Чернышев А.Г. Человек и власть в России. Автореф. к.п.н. - Саратов, 1994. –16 с.
 22. Догадайло А.Ю. Личность в системе отношений власти: теоретико-правовой и социально-психологический аспекты. Диссерт к. ю. н. - М., 1995. – 155 с.
 23. Сахно Е.Г. Повседневные практики власти. Автореф. к.ф.н. - Спб., 2003. – 25 с.;
 24. Мартынов М.Ю. Индивид в условиях дисциплинарной власти. Автореф. к.ф.н. - Чебоксары, 2004. – 24 с.
 25. Зимовец Р.В. Указ соч.
 26. Королев С.А. Технологии власти в истории России. Автореф. д.ф.н. - М., 1998. – 38 с.; Желаев Т.Н. Эволюция систем власти: социально-философский анализ. Автореф. к.ф.н. - Улан-Удэ, 2002. – 24 с.; Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность. - СПб.: Церковь и культура, 2001. – 816 с.
 27. Донченко О., Романенко Ю. Архетипи сціального життя і полштика. К.: Либідь, 2001. – 336 с.; Шевчук В.О. Влада у некласичних формах демократії: політико-антропологічний вимір Автореф. к.п.н. - Харків, 2002. – 22 с.; Влада, на котру ми заслуговуємо. Аналітичний огляд. - К.: Агенція соц. Проєктування, 2002. – 28 с.; Панюта В.І. Символічна Влада в українському соціумі. Автореф. к.с.н. - Харків, 2003. – 20 с.; Чемшит А.А. Государственная власть и политическое участие. - К.: Украинский центр духовной культуры, 2004. – 528 с.
 28. Пролеев С. Кант проти Канта: автономія волі та упокорення владі // Філософська думка. - 2005. - №2 – С. 51-66.; Зимовец Р. Дискусія «Фуко-Габермас» внесок до теорії влади // Філософська думка. - 2005. - №2. – С. 104-120, и № 3. – С. 42-61; Толстоухов А.В. Трансценденталізм. Влада. Свобода // Практична філософія. - 2001. - №1. – С. 3-19.
 29. Чемшит А.А. Указ. Соч.